

АНАТОЛИЙ Эфрос так написал об этом актере: «Дуров включается в роль всем своим существом. Его стачда роли как бы не имеет границ. Ему можно сказать, что Снегирев в «Брате Алеше» в горе упал и бьется об пол. Сказать так, для красоты режиссерского слова. Но Дуров это сумеет сделать! А в «Дон Жуане», безответственно фантазируя, можно обмолвиться, что при появлении Командора Станарель, мол, может залезть на отвесную стену. И Дуров залезет!»

Все это так, и те, кто видел Дурова в ролях, названных Эфросом, или в «Трибунале» А. Макаенка, где он играет Колобка, или в Жевакине из гоголевской «Женитьбы», знают его, как актера, умеющего быть одновременно смешным и патетическим, беспощадно объективным и трогательным. Как актера, у которого острота формы идет от глубины мысли.

Некоторые из этих ролей формально — не главные, но именно через них раскрывается смысл спектакля. Так, в персонажах «Женитьбы» Эфрос увидел не забавных уродцев и монстров, населяющих петербургские окраины, но людей, задавленных тяжкой и нелепой жизнью и потому заслуживающих нашего сегодняшнего сочувствия и сострадания. И едва ли не более всех это сочувствие адресовано Жевакину, которого играет Дуров, — обнищавшему, обгрепанному человеку.

И в кино, и на телевидении Дурову — не всегда, но чаще всего — достаются роли эпизодические или, как говорится, второплановые.

— Всего я сыграл в кино и на телевидении, наверное, больше пятидесяти ролей. Какие больше запомнились? Маленький эпизод в «Девяти днях одного года». Рафинад в телеспектакле «Вся королевская рать». Бандит Малютка в «Високосном годе». Гестаповский провокатор Клаус в «Семнадцати мгновениях весны». Ну, и в последнее время были две большие роли — в фильме «Последний день зимы» и телевизионной картине «Странные взрослые». Еще кое-что можно вспомнить... Много снимаюсь? Да нет, вряд ли — упрекнуть себя в облегченном подходе не могу, всегда стараюсь сыграть со смыслом, хотя, конечно, не всегда удается.

Перечень ролей Дурова поражает разнообразием — в каких стилях и жанрах он себя не пробовал! Однако актер всегда остается узнаваемым, не стремится, так сказать, уйти от себя, удивить какой-нибудь немыслимой характерностью или внешним рисунком.

Есть такое понятие — тема актера. Тема Дурова определилась в театре, на малом и большом экранах он ее продолжает и развивает. Сам он определяет ее так:

— Могу сказать, что мою тему я долго вынашивал — она, может быть, еще в детстве родилась. Дада, еще в школе, на уроках литературы, мне всегда было не по себе, когда о типе «маленького человека» говорили с умилением. По-моему, это плохо — «маленький человек». Он ведь не сам по себе маленький — это кто-то или что-то пытается сде-

лать его таким. И моя тема, как я ее себе представляю, — это протест человека против того, что он — маленький. Это по-разному можно выразить — скажем, в «Женитьбе», когда Жевакин удивлялся, почему его в семнадцатый раз прогнали, я пытаюсь сыграть (не знаю, удастся ли это донести до зрителя), что он в мировом порядке усомнился, чуть ли не против бога возстал, раз тот позволяет вершиться такому безобразию.

Утверждая честь и достоинство своих героев, Дуров достигает высот подлинной трагедии. Однако тема маленького человека и в русском искусстве, и в мировом искусстве XX века никогда не была однозначной, разные художники раз-

ном деле власть без совести ему не нужна! Даже семья его поверила, что продался Терешка. Но мы, зрители, все-таки до конца поверить не можем: нет, не ощущается в нем душевной мути и грязи, и хотя до поры, до времени все факты против него, кажется невероятным, чтобы этот суетливый, смешной, но чистый человек стал предателем. Нет в нем этого уязвленного самолюбия.

У Дурова точнее еще чутье на совесть своих героев. Вот Рябиков, театральный осветитель из телевизионного фильма «Странные взрослые» — обыкновенный человек, с которым приключилась не совсем обыкновенная история. Первого сентября в театр пришли школьники, и он подарил одной девочке цветы, а девочка ока-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

«Струг» г. Москва 2 ноя. 1975

ТАКИЕ РАЗНЫЕ РОЛИ

ных стран вглядывались в него не только с сочувствием, но и с тревогой, и с настороженностью. Несколько лет назад Дуров сыграл в пьесе Брехта «Что тот солдат, что этот» портового грузчика Гали Гэй, который по доброте и приниженности своей никому не мог сказать «нет» и потому волей обстоятельств превращался из мирного обывателя в нерассуждающего убийцу, послушного и беспощадного солдата. Отрицательные персонажи, которых Дурову приходится играть часто, — это ведь, как правило, тоже варианты «маленького человека». Например, тот же Клаус в «Семнадцати мгновениях весны».

— Очень часто человека делает маленьким уязвленное самолюбие — когда ему кажется, что он обойден. Что природа или люди чего-то ему, по сравнению с другими, недодали. А фашизм — благодатная почва, на которой такой вот Клаус может расцвести и отомстить человечеству за свою несостоятельность. Он ведь к своей профессии провокатора подходит, так сказать, творчески, с выдумкой и фантазией...

И я ловлю себя на мысли, что в сущности все очень просто, и герои Дурова делятся (при том, что они разные, что каждый — индивидуальность) на два главных разряда: у одних есть совесть, у других нет. Терешка Колобок, герой пьесы А. Макаенка «Трибунал», тоже маленький человек, обыкновенный пастих, ничем не знаменитый и не выдающийся. Может, он и хотел стать чем-то большим, но не получилось. И вот фашисты предлагают ему должность старосты — Терешка мог бы шагнуть по ступеням «большой» карьеры. Но соглашается Терешка пойти в старосты только для того, чтобы помогать партизанам, на са-

залась из детдома и решила, что Рябиков — ее папа. Вот тут-то актер и объяснил своего героя точнее образом — когда Рябиков понял, что у девочки нет родителей, когда увидел множество детей без родителей, — ему стало совестно, стыдно. Почему? — да именно потому, что есть дети без родителей, хотя сам он решительно ни в чем ни перед кем не виноват. Он решает удочерить эту девочку, и мы понимаем, что иначе он просто не мог бы поступить, что иначе он бы покоя лишился и ночей не спал — если бы не сделал хоть что-то, чтобы немножко меньше стало в мире несправедливости.

— Мы как-то спросили Виктора Розова: в чем может быть счастье, ну, скажем, бухгалтера? Он ответил: в цифрах или во вьнуках. То есть, во-первых, любое дело можно делать так, чтобы оно приносило тебе радость, — и тогда никакой ты уже не обойденный. А во-вторых, есть еще вокруг целая жизнь, в которой, если захотеть, всегда найдешь возможность осуществить себя. Тут ведь как посмотреть: для одного человека детские голоса — радость, а для другого — шум.

Дуров играет людей, которые умеют быть счастливы и цифрами, и внуками, и еще многим, что есть на свете. Дуров анализирует и разоблачает людей, которые могут быть счастливы только за чей-то счет, которым может быть хорошо, только если другому нехорошо. Граница между теми и другими — совесть.

Сейчас в Театре на Малой Бронной Анатолий Эфрос репетирует «Отелло». Дуров играет Яго — еще одного маленького человека, которому до испуга, любой ценой хочется стать большим.

Ю. СМЕЛКОВ.